

МОСКОВСКИЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ...

М. ЯНШИН,
народный артист СССР

С ЧЕГО начинается любовь к театру?

Помню, однажды я зашел на репетицию «Анны Карениной». Такие репетиции, представляющие генеральной, именуется у нас «адowymi». Шла предпоследняя картина. Все как обычно. И вдруг словно электрический ток ударил по сердцу. «Аннушка, что мне делать?» Алла Константиновна Тарасова произнесла эти слова на пределе безысходной муки, страсти, отчаяния.

Потрясенный, в слезах, я вышел в коридор. И стоял уся в Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Надо сказать, в театре его немного побавались, фамильярности в обращении он не допускал. Но тут, забыв обо всем, я воскликнул:

— Как здорово, Владимир Иванович!

Он взял меня за руку, отвел в темный угол коридора и, тоже взволнованный, сказал:

— Вы знаете, и мне иногда кажется, что эта сцена, да нет, весь спектакль, да что там спектакль! — все наше искусство существует для того, чтобы актриса однажды сказала вот так: «Аннушка, что мне делать?»

С этого, наверное, и начинается любовь к театру. С потрясения ярчайшим вальсом актерского вдохновения. Став свидетелем, точнее — соучастником такого вальса (а зритель всегда соучастник спектакля), вы снова и снова стремитесь в театр в надежде опять пережить счастливые мгновения. И постепенно открываете для себя разнообразные и таинственные прелести театрального зрелища.

Мне очень повезло: уже в ранней юности я имел счастье соперничать с великими артистами вдохновенные минуты творческого озарения. Я не только слышал, но и видел Шалапина почти во всех его ролях. Я видел Ермолову и Садовскую, хорошо помню искусство Собинова и Неждановой. И среди самых глубоких впечатлений навсегда осталось в моей памяти искусство замечательных «стариков» Художественного театра.

Для большинства москвичей Художественный начинается с «Синей птицы». Я же впервые попал в

этот театр на «Царя Федора». Сидел, точнее, стоял в «клетке» — так назывались тогда места на самом верхнем ярусе. И был потрясен гениальной игрой Ивана Михайловича Москвина.

Не могу здесь не вспомнить замечательного актера Михаила Александровича Чехова. Незабываемым был дуэт Чехова — Хлестакова с Москвиным — Городничим в «Ревизоре».

Общезвестно, что Московский Художественный театр с первых лет своего существования был выражением дум передовой русской интеллигенции. Спектакли Чехова, Горького, Ибсена, поставленные Станиславским и Немировичем-Данченко, стали классикой русской драмы. Но вот что важно: даже в годы самых больших побед театра наших великих учителей не покидало святое чувство неудовлетворенности сделанным. Вся жизнь Константина Сергеевича Станиславского — это вечный поиск, увлечения и открытия.

О Станиславском написано много, в том числе и людьми, лично знавшими его. Но, увы, нередко характеристика мемуаристов безнадежно далека от подлинного облика Константина Сергеевича. Это происходит, мне кажется, потому, что авторы воспоминаний знали Станиславского в разные периоды его жизни. И зафиксировали различные этапы его поисков правды в искусстве. Вот и утверждают: «Главное у Станиславского — это темп и ритм!» Или: «Главное — метод физических действий». А я убежден: живи он сейчас — придумал бы нечто совсем, совсем новое! Станиславского нельзя себе представить застывшим, остановившимся. Он всегда в движении. Традиции требуют постоянного развития, утверждал Константин Сергеевич. Некоторые пытаются сохранить не-

выблещенной и художественной высоте, какую завещали нам наши незабвенные учителя. Увы, не раз МХАТ ставил плохие пьесы, выпускал плохие спектакли. Понижали требовательность к себе, разрослись штампы.

Театру продолжал сопутствовать большой и заслуженный успех их гастролей за рубежом, по-прежнему его охотно посещали москвичи и наши гости. Но мы-то понимали, что живем на проценты от капитала, оставленного нам Станиславским и Немировичем-Данченко. А сам капитал уменьшается...

Но вот в репертуаре театра появились новые интересные пьесы, к нам пришла способная молодежь.

Я и мои товарищи из старшего поколения уже получили к юбилею дорогой подарок. Ведь хорошая роль в хорошей пьесе — пожалуй, лучший дар актеру... Автор пьесы «Солю для часов с боем» драматург Заградник молод и живет в Братиславе. Удивительно, как глубоко сумел этот человек проникнуть в психологию пожилых людей, открыть в их сердцах такую бездну доброты, самоотверженности, единения... Для меня и, думаю, для моих товарищей, участвующих в спектакле, здесь есть нечто сугубо личное, сокровенное, и мы играем с максимальной отдачей, испытывая истинное творческое наслаждение. Отрадно, что наши чувства и мысли доходят до зрителя, встречают ответный отклик и поддержку.

Хочется взобраться на высоту для того, чтобы оттуда посмотреть на свое прошлое, — говорит мой герой, отставной лидер Франтишек Абель.

Осмысливая прошлое с высоты большого юбилея, я думаю о настоящем и будущем, о молодежи, для которой мы часто трудимся и трудимся сейчас. О молодежи, которой предстоит нести дальше неуязвимое искусство Художественного театра.

Хочется взыскать на высоту для того, чтобы оттуда посмотреть на свое прошлое, — говорит мой герой, отставной лидер Франтишек Абель.

Осмысливая прошлое с высоты большого юбилея, я думаю о настоящем и будущем, о молодежи, для которой мы часто трудимся и трудимся сейчас. О молодежи, которой предстоит нести дальше неуязвимое искусство Художественного театра.

нравственной и художественной высоте, какую завещали нам наши незабвенные учителя. Увы, не раз МХАТ ставил плохие пьесы, выпускал плохие спектакли. Понижали требовательность к себе, разрослись штампы.

Театру продолжал сопутствовать большой и заслуженный успех их гастролей за рубежом, по-прежнему его охотно посещали москвичи и наши гости. Но мы-то понимали, что живем на проценты от капитала, оставленного нам Станиславским и Немировичем-Данченко. А сам капитал уменьшается...

Но вот в репертуаре театра появились новые интересные пьесы, к нам пришла способная молодежь.

Я и мои товарищи из старшего поколения уже получили к юбилею дорогой подарок. Ведь хорошая роль в хорошей пьесе — пожалуй, лучший дар актеру... Автор пьесы «Солю для часов с боем» драматург Заградник молод и живет в Братиславе. Удивительно, как глубоко сумел этот человек проникнуть в психологию пожилых людей, открыть в их сердцах такую бездну доброты, самоотверженности, единения... Для меня и, думаю, для моих товарищей, участвующих в спектакле, здесь есть нечто сугубо личное, сокровенное, и мы играем с максимальной отдачей, испытывая истинное творческое наслаждение. Отрадно, что наши чувства и мысли доходят до зрителя, встречают ответный отклик и поддержку.

Хочется взобраться на высоту для того, чтобы оттуда посмотреть на свое прошлое, — говорит мой герой, отставной лидер Франтишек Абель.

Осмысливая прошлое с высоты большого юбилея, я думаю о настоящем и будущем, о молодежи, для которой мы часто трудимся и трудимся сейчас. О молодежи, которой предстоит нести дальше неуязвимое искусство Художественного театра.

Фотокорреспондент «Вечерней Москвы» побывал вчера за кулисами Московского Художественного театра имени М. Горького перед началом спектакля «Мертвые души», где он сделал ряд снимков.

Народный артист СССР А. ГРИБОВ охотится в образ Собакевича. Чичикову — народный артист РСФСР А. КОМИССАРОВ — помогают галстук. Манило — народный артист РСФСР Ю. ЛЕОНИДОВ, как всегда, стремится быть возможно более приятным для окружающих. В этом ему помогает гример А. ГОЛЬЦОВ. Ноздра — заслуженный артист РСФСР Л. ЗОЛОТУХИН — оживляет современные средства связи. Фото Г. КОРАВЬЕВ-НИКОВА.

